

Анатомия распада

«Я подписался кровью.
Теперь Лондон — моё тело, а я — его душа»

Виктор Безматерный

Виктор Безматерный

Анатомия распада

«Автор»

2026

Безматерний В.

Анатомия распада / В. Безматерний — «Автор», 2026

Лондон, XIX век. Доктор Джеймс Морган — не просто врач, а Архитектор новой реальности. После того как древний Бог Болот слился с его телом и фундаментом города, Лондон начал превращаться в единый пульсирующий организм. Чтобы спасти Империю от растворения в первобытном хаосе, доктору предстоит провести невозможную операцию: вскрыть Собор Святого Павла и хирургическим путем перерезать пуповину рождающегося Бога. Но когда медицина встречается с метафизикой, исцеление мира может оказаться страшнее самой болезни.

© Безматерний В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Анатомия распада

Глава 1

Я помещаю эти строки на бумагу не для публикации в «Ланцете» и не для доклада в Королевском обществе, куда меня столь настойчиво приглашали прошлой весной. Те бумаги я сжег вместе с моим старым сюртуком, пропитанным запахами йода, сырой земли и чего-то еще, чему названия нет ни в одном каталоге органических соединений. Я пишу это исключительно для себя, чтобы упорядочить воспоминания, которые норовят рассыпаться, подобно тем самым камням древней часовни. Если мой рассудок все же покинет меня окончательно, пусть хотя бы чернила на этих страницах послужат свидетельством того, что события не были горячечным бредом.

Все началось третьего октября, в ту осень, когда Темза пахла серой сильнее обычного, а туманы над Лондоном казались густыми настолько, что газовые фонари едва пробивали их желтую пелену. В моем кабинете на Харли-стрит царил привычный порядок: латунные весы сияют, скальпели разложены по размеру, истории болезней перевязаны бечевкой. Мой удел — частная практика, нервные расстройства у дам среднего возраста да извлечение инородных тел из глотки истеричных детей. Медицина представлялась мне тогда точной наукой, почти математикой, где за каждым симптомом следует логичное лечение. Какое чудовищное заблуждение.

Письмо доставил посыльный в мокром макинтоше. Чернила на конверте слегка расплылись, но герб был мне незнаком: три камышана на серебряном поле под изображением то ли сломанного креста, то ли покосившейся арки. Отправителем значился преподобный Элайджа Торн, приход Святого Иуды-на-Трясине.

«Мой дорогой доктор Морган, — гласило послание, написанное торопливым, но твердым почерком человека, привыкшего много писать от руки. — Обращаюсь к Вам, пренебрегая официальной медициной нашего графства, ибо случай требует иного склада ума. Моя паства теряет разум не от хмеля или бедности. Они сходят с ума от чистого страха. За последний месяц четверо моих прихожан впали в состояние кататонического ступора. Перед этим каждый из них утверждал одно и то же: они видели Женщину с зелеными волосами, стоящую у края топи. Местный констебль списывает всё на болотный газ и дурную воду. Вы же, как я слышал от лорда У., интересовались феноменом массовой истерии во время прошлогодней жары. Умоляю, приезжайте. Приходу нужен врач, способный смотреть дальше аптекарских весов».

Любопытство — самый опасный яд для праздного ума. Тот день у меня был свободен. Кроме того, имя лорда У., президента моего клуба, упомянутое вскользь, задело мое тщеславие. Я решил, что небольшая поездка в сельскую местность пойдет мне на пользу. Я приказал своему камердинеру Уилкинсу собрать саквояж с инструментами для кровопускания, набором успокоительных настоек опия и теплым шерстяным пледом. Сам же извлек из шкафа тяжелые охотничьи сапоги, которых не надевал со времен студенческой охоты в Оксфорде.

Дорога до станции заняла час. Вагоны Северной линии пустовали; кроме меня, в купе трясся лишь один коммивояжер, чей сон прерывался судорожными всхлипами — он явно злоупотреблял дешевым бренди. По мере удаления от Сити пейзаж за окном стремительно терял

краски. Лондонский кирпич сменился гниющим деревом старых причалов, а затем потянулись вересковые пустоши. Небо здесь висело так низко, что казалось, можно достать до него зонтиком. Воздух приобрел привкус ржавчины и холодной стоячей воды.

На полустанке Трясинный Холм меня ждал экипаж самого викария. Правил им молчаливый человек, чье лицо напоминало выдубленную кожу. Он даже не кивнул в ответ на мое приветствие, лишь плотнее закутался в воротник. Лошади фыркали и пятились, отказываясь идти прямо, вынуждая возницу постоянно натягивать вожжи. Мы свернули с главной дороги на проселок, и цивилизация закончилась. Начались болота.

Это была не та живописная глушь, которую поэты воспевают в идиллиях. Это была открытая рана на теле Англии. Земля под колесами дышала — она поднималась и опускалась с медленным, влажным вздохом, словно гигантское спящее животное. Из черной торфяной жижи пузырился метан, издавая звуки, похожие на приглушенные стоны. Камыш стоял сплошной стеной, острой и безжизненной, как кладбище копий.

— Здесь всегда так тихо? — спросил я, просто чтобы разорвать эту давящую звуковую пустоту.

Возница не обернулся. Его костяшки побелели на поводьях.

— Ждет, — только и сказал он. — Когда туман ляжет, оно запоеет.

Я счел за лучшее замолчать. Мы проехали мимо трех брошенных ферм. Окна в них были забиты досками крест-накрест, а на порогах рос бледный мох, похожий на плесень. До прихода Святого Иуды оставалось не более мили, когда лошади встали окончательно. Никакие понукания не могли сдвинуть их с места. Животные храпели, закатывая белки глаз, и мелко дрожали.

— Дальше пешком, доктор, — бросил возница. — Там, за поворотом. Только держитесь тропы. Сойдете на шаг — засосет так, что и костей не сыщут.

Он развернул коляску, не дожидаясь моей благодарности, и уехал, оставив меня одного посреди этой могильной сырости. Туман здесь был иным — не желтоватым лондонским, а мертвенно-зеленым, фосфоресцирующим. Он цеплялся за полы моего пальто, холодный и липкий, как слизь утопленника.

Тропа представляла собой узкую гряду слежавшейся осоки. Справа и слева чернела вода, в которой отражалось небо цвета свинца. Шаг в сторону означал верную смерть в трясине. Я шел около двадцати минут, считая шаги, чтобы отвлечься от звенящей тишины. Сто сорок... сто сорок один... На счете двести пять я увидел шпиль церкви. Он покосился градусов на тридцать влево, словно невидимый великан толкнул его плечом. Сама церковь стояла на единственном твердом островке суши, окруженном кольцом мертвых деревьев. Их ветви были абсолютно белыми, выбеленными не солнцем, а химическим составом самой почвы.

Преподобный Торн ждал меня на паперти. Это был высокий, иссохший человек с лихорадочным блеском в глазах. Его воротничок казался слишком тесным для шеи, которая дергалась при каждом слове.

— Доктор Морган, — выдохнул он, пожимая мою руку ледяными пальцами. — Вы видите ее?

— Кого, святой отец? — переспросил я, оглядывая пустой погост. — Кроме нас здесь только вороны.

— Она стоит там, у старого вяза. Волосы зеленые, как ил. Не смотрите ей в глаза, Джеймс. Ни при каких обстоятельствах не смотрите.

Я проследил за его взглядом. У дерева никого не было. Лишь клочья зеленого тумана обвивали ствол, принимая смутно гуманоидные очертания. Я приписал это усталости зрения и болотным испарениям. Галлюцинации на фоне истощения — вещь известная.

Внутри храма пахло ладаном, пылью и безнадежностью. Деревянные скамьи блестели от влаги. Алтарный покров пошел темными пятнами плесени. Торн провел меня в ризницу, где жарко пылал камин, и налил нам обоим дешевого шерри. Руки священника ходили ходуном.

— Они приходят ко мне на исповедь, — начал он, проглотив напиток одним махом. — Говорят шепотом. Сначала жалуются на бессонницу. Затем начинают слышать голоса из дымохода. Голоса зовут их по имени детскими голосами. А потом... потом они идут к ней. Мэри Саттон пошла вчера вечером. Ее муж нашел на рассвете. Она сидела на краю топи, улыбалась и рвала на себе волосы. Сами волосы выпадают, доктор. Но те пряди, что остаются, становятся зелеными. Совершенно зелеными, будто их вымочили в кислоте. И глаза... глаза у всех стекленеют одинаково. Зрачки расширяются во всю радужку. Они смотрят сквозь вас, видят что-то иное.

Пока он говорил, я методично раскрыл свой медицинский саквояж. Случай требовал холодного анализа. Массовое отравление спорыньей? Возможно. Или некий редкий грибок, споры которого разносятся ветром с болот. Я попросил привести следующего пациента. Им оказался мальчик лет десяти, сын местного кузнеца.

Ребенка привели двое мужчин — они боялись отпустить его одного. Мальчик сидел на стуле совершенно прямо, сложив руки на коленях. Он не моргал. Я приподнял ему веко. Описание викария оказалось пугающе точным: зрачок поглотил радужку полностью, превратив глаз в черный, непроницаемый обсидиан. Реакции на свет не было. Я достал неврологический молоток и ударил по коленному сухожилию. Нога не дрогнула. Рефлексы отсутствовали напрочь.

— Как тебя зовут? — спросил я мягко.

Губы мальчика шевельнулись, но звук вышел сухой, царапающий:

— Она моет голову в ручье. Вода течет зеленая. Кровь тоже станет зеленой, если долго смотреть. Камни живее людей. Они помнят вкус.

У меня похолодело в груди. Симуляция исключена. Ребенок находился в глубоком трансе, природа которого не описана в учебниках Шарко. Я коснулся его шеи, чтобы проверить пульс. Кожа была неестественно гладкой и холодной, словно мрамор, но под пальцами я ощутил нечто странное. Пульсация шла не ритмично, как положено крови, а толчками, неравномерно, с долгими паузами, словно сердце ребенка пропускало удары, пытаясь найти новый, чуждый ритм.

— Где вы нашли его? — спросил я у отца мальчика.

— У развалин старой часовни, — ответил кузнец, осеняя себя дрожащим крестом. — Той, что старше нашей церкви. Говорят, ее построили еще до римлян. Прямо на самом гиблом месте. Там земля плачет, доктор. Днем плачет водой, а ночью...

— Достаточно, — оборвал я его. — Святой отец, мне нужно осмотреть эту часовню. Сейчас же.

Торн перекрестился, но возражать не стал. Он лишь велел принести мой фонарь — масляную лампу «бычий глаз» с толстыми линзами. Мы вышли обратно в зеленый сумрак. Теперь туман сгустился настолько, что пламя фонаря освещало лишь круг радиусом в два ярда. Казалось, мы движемся внутри живого организма, чьи стенки сочатся влагой.

Часовня открылась внезапно. Просто стена тумана разорвалась, и перед нами предстали четыре стены высотой в человеческий рост. Без крыши. Вместо нее зияло небо, затянутое теми же низкими облаками. Пол был выложен плитами черного базальта. И этот пол *дышал*.

Я замер, решив, что это обман зрения от напряжения. Но нет. Плиты медленно, миллиметр за миллиметром, поднимались и опускались. Вверх-вниз. Вверх-вниз. Словно исполинские легкие вбирали воздух болот. Между стыками камней проступала не затирка, а влажная, розоватая ткань, покрытая сеткой синеватых вен. Древняя кладка жила.

— Господи Иисусе, прошептал за моей спиной викарий.

— Тише, — процедил я, хотя сам чувствовал, как колени предательски слабеют. Логика рушилась. Геометрия пространства искажалась. Я направил луч фонаря в центр зала.

Там, на алтарном камне, лежал предмет, которого здесь быть не могло. Человеческое сердце. Оно не принадлежало ни мужчине, ни женщине — размером с голову младенца, темно-багровое, обвитое чем-то вроде черных водорослей. И оно сокращалось. Толчок — вверх, толчок — вниз, в такт дыханию пола.

Я сделал шаг вперед. Мои медицинские инстинкты боролись с первобытным ужасом. Мне нужно было взять образец. Понять мышечную структуру. Я уже протянул руку к кожаному саквою за скальпелем, когда услышал смех.

Он звучал позади меня. Тихий, булькающий, влажный женский смех. Обернувшись, я увидел ее.

Она стояла в дверном проеме, там, где должна была быть массивная дубовая дверь. Фигура женщины в платье из сгнившего ирландского льна. Но волос не было. Вернее, вместо них из черепа росли длинные, спутанные нити изумрудного цвета. Они не свисали вниз под тяжестью воды. Они жили своей жизнью: медленно покачивались, тянулись к потолку, впитывая тусклый свет, и с их кончиков капала густая, светящаяся жидкость. Кап... кап... Каждая капля шипела, попадая на живой камень пола.

Женщина открыла рот. Зубов не было, только черные провалы десен. Она не собиралась говорить. Она втянула воздух. Весь воздух из моих легких. Из легких викария. Из-под камней часовни. Меня прижало к стене невидимой силой, грудную клетку сдавило тисками. Фонарь упал на плиты, стекло разбилось, масло вспыхнуло, залив зал мерцающим зеленым огнем.

И тут произошло самое страшное. То, о чем я буду молчать до конца своих дней, если хочу сохранить остатки рассудка. Сквозь дыру в разбитом фонаре вытекла струйка горящего масла. Она упала на рукав моего пальто. Ткань занялась мгновенно. Боль обожгла руку. Инстинктивно я поднял ладонь, защищая лицо.

Из пореза, оставленного острым камнем, когда я падал, выступила кровь. Обычная алая человеческая кровь. Но соприкоснувшись с воздухом этого проклятого места, она перестала

быть красной. На моих глазах, в свете зеленого пламени, гемоглобин распадался. Багровая влага светлела, приобретала тошнотворный салатовый оттенок, густела и начинала слабо светиться изнутри, точно гной. Зеленые капли тяжело шлепались на базальт и не растекались лужей, а собирались в идеальные сферы, которые медленно катились к центру зала, прямо к тому самому пульсирующему сердцу.

Женщина сделала шаг. Плиты под ее босыми ногами не продавливались. Зеленая прядь качнулась в мою сторону. Я почувствовал запах — запах озона, древнего ила и меди. Запах электрического разряда перед грозой. Запах распадающейся материи.

Дальнейшее я помню фрагментами. Помню, как викарий Торн рухнул на колени, его лицо стало таким же белым, как церковные стены, и он начал читать молитву задом наперед. Помню, как я схватил свой тяжелый латунный саквояж и ударил им по источнику света, гася зеленый огонь, погружая нас в абсолютную темноту. Помню хруст ткани и ощущение, что мои ноги увязают уже не в торфе, а в чем-то мягком и теплом. Помню, как бежал, не разбирая дороги, проваливаясь по колено в воду, чувствуя, как живые корни хватают меня за щиколотки, пытаюсь удержать.

Очнулся я только на пороге дома викария, когда Уилкинс, прибывший следующим поездом с подмогой, растирал мне виски уксусом.

Солнце садилось. Болота дымились. Церковь Святого Иуды виднелась вдали. Шпиль больше не был наклонен. Он стоял идеально ровно, указывая в тяжелое небо. Словно ничего и не было.

Но моя левая рука, которую я обжег маслом, ныла тупой болью. Я закатал рукав. На предплечье, там, где кожа соприкоснулась с испарениями часовни, проступила сеть тонких зеленых прожилок. Они пульсировали в такт моему сердцу. Или тому, что теперь заменяло мне сердце.

Глава 2

Я всегда полагал, что человеческая психика подобна часовому механизму. Достаточно найти лопнувшую пружину или засорившуюся шестеренку — страх, усталость, избыток желчи, — и разум вернется в прежнее состояние. Мой кабинет на Харли-стрит был полон доказательств этой теории: склянки с бромидом калия, смирительные рубашки из мягкого полотна для дам высшего света, диаграммы истерических дуг Шарко.

Но здесь, в спальне приходского дома викария Торна, где пахло застарелым потом, карболкой и сырой шерстью, моя наука столкнулась с глухой стеной. Я сидел у постели Мэри Саттон. Той самой женщины, которую муж нашел на краю топи.

Ее конечности были зафиксированы кожаными ремнями к дубовым ножкам кровати не из жестокости, а по настоянию самого супруга. Женщина выгибалась под углом, невозможным для здорового позвоночника, опираясь лишь на затылок и пятки. Ее лицо было лишено всякого выражения, но глаза... О, эти глаза я теперь узнаю среди тысяч. Зрачок поглотил радужку до последнего миллиметра. Глазное яблоко больше не казалось сферой; оно превратилось в плоский, влажный обсидиан, в котором отражался потолок комнаты с тем же искажением, что и поверхность стоячей болотной воды.

— Она не спит уже третьи сутки, доктор, — голос кузнеца Саттона, обычно громоподобный, сейчас звучал как скрип несмазанной петли. Он стоял в углу, комкая в руках кепку. — И ничего не ест. Только пьет воду. Ведро выпивает за день. Говорит, что там внутри сухо, как в старом колодце.

Я взял ее за запястье, чтобы сосчитать пульс. Кожа была скользкой, покрытой тонкой пленкой зеленоватого липида, напоминающего тину. Термометр, который я извлек из саквояжа, показывал тридцать четыре градуса по Цельсию. Объективно она должна была находиться в глубокой коме, на пороге смерти от переохлаждения. Но мышцы ее шеи напряглись, сопротивляясь моему прикосновению. Пульс прощупывался. Однако он не имел ничего общего с человеческой кардиологией. Это была серия коротких, сухих ударов, разделенных паузами разной длины: *тик-пауза-тик-тик-длинная пауза-тик*. Словно кто-то медленно перебирал струны расстроенной арфы прямо у нее под кожей.

— Оставьте нас, — велел я Саттону. — И закройте дверь снаружи. Подождите в коридоре.

Когда тяжелые шаги затихли, я достал свой главный инструмент — набор ланцетов из хирургической стали и стеклянную чашу Петри. Мне нужен был образец крови. Не для аптекаря, нет. Чтобы рассмотреть каплю под моим карманным микроскопом Левенгука. Если это инфекция, яд спорыньи или какой-то неизвестный токсин болотного газа, клеточная структура покажет изменения. Должна показать.

Я прижал жгут выше локтя. Вена вздулась, но цвет ее меня встревожил. Она не была привычной синеватой. По ней текла жидкость цвета хризопраза — мутно-зеленая, густая. Я протер место прокола спиртом, хотя понимал всю тщетность дезинфекции против того, что поселилось в этих людях. Игла вошла легко.

Вместо темно-красной артериальной крови в чашу стекла тягучая, фосфоресцирующая изумрудная капля. Она светилась сама по себе, бросая зеленые блики на мое сосредоточенное лицо. Запах ударил в нос мгновенно — резкий, металлический, но без оттенка железа. Так пахнет озон после удара молнии, смешанный с ароматом гниющих водорослей на морском берегу.

Я настроил линзы микроскопа. Свет масляной лампы падал на зеркальце прибора. Я поместил мазок на предметное стекло. То, что я увидел, заставило мои собственные руки задрожать впервые за двадцать лет практики. Красных кровяных телец — эритроцитов — не существовало. Их стенки растворились. Внутри плазмы плавали тысячи крошечных, идеально симметричных многогранников, похожих на диатомовые водоросли или снежинки неправильной формы. Они медленно вращались вокруг своей оси, преломляя свет. И они делились. Прямо на моих глазах одна «снежинка» выпустила тонкий луч, затем второй, третий, и через секунду вместо одной частицы образовались две идентичные. Процесс митоза занимал не более трех секунд. Мое тело заражалось быстрее, чем я успевал дышать.

Скрипнула половица. За моей спиной.

Мои инструменты полетели на пол. Чаша Петри разбилась, изумрудная лужица растеклась по доскам, начав медленно прожирать лакированное дерево, испуская легкий дымок. Я резко обернулся.

Кровать была пуста. Ремни, которые я сам затягивал четверть часа назад, валялись на полу, разрезанные изнутри. Острием чего-то невероятно острого. Сама Мэри Саттон стояла в углу комнаты, лицом к стене. Ее спина была повернута ко мне. Платье на ней высохло и стояло колом, словно его окунули в клейстер.

— Мэри, — позвал я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Я ваш врач. Вы меня слышите?

Она не ответила. Вместо этого она провела пальцем по штукатурке. Послышался звук, с которым стальное лезвие режет стекло. Из-под ее ногтя посыпалась бетонная пыль. Она рисовала. Длинные, пересекающиеся линии, складывающиеся в символ, которого не было ни в одном гримуаре — нечто среднее между древнеанглийской руной # (Турисаз) и анатомическим разрезом человеческого сердца. Линии светились слабым зеленым огнем.

Затем она начала поворачиваться. Это движение нельзя назвать человеческим. Позвонки ее шеи провернулись со щелчком, развернув голову на сто восемьдесят градусов. Теперь она смотрела на меня своим обсидиановым взглядом поверх собственного плеча. Уголки ее губ разошлись в стороны, разрывая плоть почти до самых мочек ушей. Крови не было. Рана заполнилась той же светящейся слизью.

Мой медицинский ум сдался. Остался только животный ужас, холодный, как вода в ноябрьской Темзе. Я схватил тяжелый латунный подсвечник с камина. Металл был ледяным.

Женщина сделала шаг. От ее босых ступней на половицах оставались выжженные отпечатки идеальной формы, наполненные водой. Вода немедленно закипела, превращаясь в пар с запахом серы.

Я замахнулся. В этот момент мой взгляд упал на ее волосы. То, что издали казалось травой или водорослями, вблизи оказалось гораздо хуже. Это были капилляры. Тонкие, полупрозрачные трубки, заполненные той самой изумрудной жидкостью. Они росли прямо из черепа, пробивая кожу, и жадно тянулись к потолку, впитывая влагу из воздуха. Один из этих отростков потянулся к моей руке.

Я ударил. Ударил со всей силой отчаяния человека, чья картина мира только что сгорела вместе с разбитой чашей Петри. Латунь врезалась ей в висок. Раздался хруст, но не кости — хруст ломающегося тонкого льда. Голова дернулась, брызнула зеленая жижа. Тело обмякло и рухнуло на пол бесформенной грудой мокрого тряпья.

Тишина вернулась, вязкая и оглушительная. Я тяжело дышал, прижимаясь спиной к двери. На тыльной стороне ладони, которой я держал подсвечник, выступила испарина. Моя собственная кровь. Я порезался о край медного фитиля. Капля набухла и сорвалась вниз.

Она упала на зеленый след от разбитой чаши.

Алая капля соприкоснулась с изумрудной лужицей. Произошла реакция мгновенного синтеза. Моя кровь перестала быть красной за долю секунды. Она вскипела, посветлела и стала такой же светящейся зеленью, вытягиваясь тонкой нитью к осколкам стекла.

Это во мне. Господи милосердный, это уже внутри меня. Путешествие на болота заняло три часа, а инкубационный период — менее суток. Сколько осталось времени до того, как мои собственные позвонки решат провернуться вслед за взглядом?

Мне нужно было выбраться отсюда. Нужен свежий воздух Лондона, нужны коллеги, нужна лаборатория Королевского общества. Нужно доказать им...

Доказать что? Что камни дышат? Что кровь становится хлорофиллом? Меня упекут в Бетлемскую королевскую больницу прежде, чем я успею закончить первый абзац доклада.

Я выскочил в коридор, едва не сбив с ног кузнеца Саттона. Лицо мужчины было серым.

— Доктор? — прохрипел он. — Как она?

— Ей нужен покой, — бросил я, проходя мимо и направляясь к выходу. — Полный покой. Никого не пускайте. Ни священника, ни констебля. Никто не должен входить в эту комнату, пока я не вернусь.

— Куда вы, сэр? Глухая ночь на дворе!

— В церковь! — крикнул я, уже сбегая по крыльцу. — Мне нужен преподобный Торн!

Ночь обрушилась на меня холодом и влагой. Туман стал еще плотнее. Фонарь в моей руке дрожал так сильно, что пятно света металось по земле, как пойманный зверь. Дорога к церкви Святого Иуды казалась бесконечной. Каждый корень под ногами норовил ухватить за щиколотку, каждый куст камыша шептал голосом мальчика-кузнеца: *«Камни живет людей»*.

Церковь встретила меня распахнутой настежь дверью. Внутри горел только один алтарный светильник. Преподобный Торн стоял на коленях перед кафедрой, раскачиваясь взад-вперед. Его воротничок был снят, а на шее проступили те самые тонкие зеленые вены, что и у меня. Он молился, но слова выходили из него булькающим хрипом:

— ...из праха в прах, из ила в ил, да прорастет семя сквозь ребра наши...

Он обернулся. Его глаза были нормальными. Наполненными слезами и диким, осознанным ужасом.

— Вы видели ее, — сказал он утвердительно. Это не было вопросом.

— Видел, — кивнул я. — Святой отец, то, что происходит с вашими людьми — это не одержимость. Это биология. Изменение тканей на клеточном уровне. Мы должны увезти образцы в Лондон.

Торн горько рассмеялся. Смех перешел в кашель, и на платок, который он прижал ко рту, вылетели капли зеленого тумана.

— Образцы, говорите? — просипел он. — Джеймс, посмотрите на свои руки.

Я опустил взгляд. Лампа осветила мои пальцы. Ногти приобрели легкий оливковый оттенок. А кутикулы... кутикулы набухли, и из-под них, разрывая тонкую кожу, пробивались первые, толщиной с иглу, ростки тех самых зеленых трубок-волокон. Они искали свет моего фонаря.

— Оно не просто живет в болотах, — прошептал викарий, глядя куда-то сквозь меня. — Болота — это лишь его рот. А часовня... часовня — это желудок. Мы все — пища. Кровь обращается потому, что Древний не терпит красного цвета. Красный — это грех, это индивидуальность, это граница тела. Зеленый — это единство. Растворение. Жертва мессы закончилась, доктор. Началось причастие.

Внезапно орган в глубине нефа издал звук. Это был не аккорд. Это был долгий, утробный вздох сотен заржавевших труб. Воздух в церкви пришел в движение, потянувшись от дверей в сторону алтаря. Свечи погасли одна за другой.

Звук повторился, но теперь он шел не от органа. Он шел от стен. Каменная кладка вибрировала. Те самые базальтовые плиты, которые я видел днем, начали проявляться прямо сквозь старую кирпичную кладку викторианской церкви. Черный, дышащий камень пожирал здание изнутри.

Торн схватил меня за сутану, его хватка была железной:

— У вас есть выбор, доктор. Вы человек науки. Вы можете попытаться описать это. Или вы можете послужить делу спасения. Алтарный камень внизу... тот, что дышал... Он требует новой крови взамен пролитого масла. Если мы не наполним его чашу сейчас, оно выйдет на погост. Оно пойдет в деревню. Оно найдет ваших пациентов в Лондоне. Ваша сестра, ваша матушка, ваши подписчики в «Ланцете»...

— Что вы предлагаете? — спросил я, чувствуя, как горло пересыхает. Зеленая сеть на моих руках пульсировала в такт дыханию камней.

— Закрыть дверь, — ответил священник. — Изнутри. Есть старая литургия Исцеления. Рим запрещал ее в четвертом веке. Она написана кровью на коже утопленника. Нам нужно спуститься в крипту. Там лежит оригинал. Но чтобы пройти сквозь ожившие своды, нам понадобится проводник. Та, кого вы ударили... если принести ее сердце к алтарю, камни пропустят нас. Они узнают свою часть.

Я смотрел на свои руки, на которых живой мох уже оплетал запястья. Мой разум кричал, что это святотатство, убийство и безумие. Но альтернатива была страшнее. Альтернативой был конец человечества, поглощенного тихим, фотосинтезирующим кошмаром.

— Где она? — услышал я собственный голос будто со стороны.

Торн улыбнулся. Впервые за вечер в его глазах появилась надежда, столь же жуткая, как и окружающий нас ужас.

— Вы принесли ее с собой, Джеймс. Разве вы не заметили вес своего саквояжа, когда бежали сюда?

Я посмотрел на свои ноги. Тяжелый врачебный саквояж из телячьей кожи стоял у порога. Замок был открыт. Из щели между створками сочилось слабое, тошнотворно-сладкое изумрудное сияние.

Глава 3

Я всегда считал крипты неотъемлемой частью старых английских церквей — сухие, пыльные помещения для хранения свинцовых гробов и истлевших регалий. Крипта под приходом Святого Иуды разрушила этот шаблон с той же жестокостью, с какой зеленый мох разрывает каменную кладку.

Мы спустились по винтовой лестнице, вытесанной прямо в черной базальтовой скале. Ступени были скользкими не от сырости, а от тонкой пленки того самого фосфоресцирующего вещества. Каждый наш шаг сопровождался влажным чавканьем. Внизу горел только один источник света: мой карманный фонарь «бычий глаз» бросал дрожащий желтый круг на стены, но его лучи словно вязли во мраке, поглощаемые им.

Преподобный Торн шел впереди. За последние полчаса он изменился пугающе быстро. Его сутану покрывала зеленая пыльца, плечи ссутулились, а шея казалась неестественно длинной из-за того, как он постоянно втягивал ноздрями воздух. Он больше не был слугой англиканской церкви. Он стал ключником при воротах этого места.

— Сюда, — просипел он, сворачивая в узкий проход, которого я не заметил ранее. — Древние не любили прямых путей. Прямая линия — это вызов их топкой природе.

Воздух здесь менял состав. Если на болотах пахло гниением, то здесь стоял густой, мускусный аромат плодородной земли после дождя, смешанный с запахом озона и сладковатым духом формалина. Коридор вывел нас в грот. Своды его терялись во тьме, поддерживаемые не колоннами, а гигантскими переплетенными корнями деревьев, которые пробили камень и теперь пульсировали под тонкой корой, перекачивая светящуюся жидкость.

В центре грота находился алтарь. Но это не был стол для евхаристии. Это была колоссальная раковина тридакны, створки которой были сделаны из полированного черного обсидиана. Внутри нее покоился монолит из цельного нефрита размером с человеческий торс. На его поверхности была вырезана фигура, которую язык не поворачивался назвать распятием. Человекоподобное существо было раскинуто не на кресте, а внутри сложной геометрической мандалы из концентрических кругов. Ребра существа были раздвинуты наружу, образуя клетку, а в грудной полости лежало нечто, напоминающее бутон исполинского цветка, чьи лепестки состояли из сотен человеческих ладоней, сложенных вместе.

Торн подошел к стене справа и провел по ней рукой. Камень отозвался низким гулом. Плита отошла в сторону без малейшего звука, открывая нишу. Внутри, завернутое в промасленный пергамент, лежало тело ребенка. Или то, что когда-то им было. Кожа сохранила бледность, но волосы превратились в густую шапку изумрудных водорослей, а пальцы рук вытянулись, сросшись перепонками. Ребенок спал, мерно вздымая грудь.

— Хранитель протоколов, — пояснил викарий. — Ему триста лет. Мы кормим его дождевой водой. Он пишет историю прихода своей кровью, когда луна полная.

Меня затошнило. Мой медицинский разум пытался классифицировать увиденное как случай прогерии или тяжелой генетической мутации, вызванной радиацией торфяных пла-

стов, но эта логика трещала по швам. Я видел деление клеток своими глазами. Красная кровь не мутировалась. Она *заменялась*.

— Где текст? — спросил я, чтобы звук собственного голоса отрезвил меня.

Торн проигнорировал вопрос. Он вернулся к обсидиановому алтарю-раковине и с видимым усилием навалился на край одной из створок. Мышцы на его спине вздулись так, что едва не порвали ткань. Раздался скрежет камня о камень. Створка медленно, дюйм за дюймом, пошла вверх. Из-под нее хлынул поток густой изумрудной слизи, пахнувшей йодом и разложением. Уровень жидкости в раковине поднялся до колен викария, но тот даже не поморщился.

Он сунул руку внутрь, по самое плечо. Послышалось мокрое копошение. Когда Торн вытащил конечность обратно, в его пальцах извивалась толстая черная пиявка длиной в локоть. Ее присоска состояла из множества мелких, похожих на человеческие, зубов. Викарий брезгливо бросил ее на пол, где та мгновенно растворилась, оставив лишь дымящееся пятно.

Наконец он извлек сверток. Не книгу. Это был кусок человеческой кожи, снятый целиком с предплечья, включая кисть. Пергамент был гладким, теплым на ощупь и исписан мелким готическим шрифтом. Чернила имели глубокий рубиновый цвет.

— «Литургия Исцеления», — торжественно произнес Торн, разворачивая кожу на нефритовом монолите. — Написана братом Эразмом в тысяча четыреста пятом году. Кровью тех, кто отказался принять Дар Топи. Читать нужно вслух. Без ошибок. Ошибка в одном звуке — и оно заберет гортань читающего вместо печати.

Я осветил текст фонарем. Буквы выглядели странно знакомыми, пока я не понял причину: они двигались. Слово «Кровь» стекало вниз строки, превращаясь в слово «Слизь», а затем снова возвращалось в исходную форму. Это требовало предельной концентрации.

— Начинайте, доктор, — велел Торн. — Вы принесли печать. Саквояж. Откройте его.

Мои руки действовали отдельно от разума. Замок щелкнул. Я откинул крышку. Свет моего фонаря столкнулся со светом, идущим изнутри саквояжа, и на мгновение ослепил меня. Тело Мэри Саттон не подверглось трупному окоченению. Напротив, ткани стали мягкими, студенистыми. Под действием воздуха часовни плоть начала процесс... вегетации. Бледная кожа натянулась, стала прозрачной, и сквозь нее проступил сложный узор хлоропластов. Сердце, которое я должен был принести, уже не билось обычным образом. Оно ритмично сжималось и расширялось, подобно медузе, выбрасывая в воздух облачка зеленого пара.

— Положите печать в центр, — голос Торна стал гипнотически монотонным. — На ладони Нефритового Спящего. Да, туда. Теперь смотрите внимательно. Нам нужна капля. Всего одна. Чтобы активировать слова.

Я достал свой лучший серебряный ланцет. Руки священника тряслись от благоговейного нетерпения. Я занес инструмент над трепещущим зеленым сердцем. Мне нужно было попасть точно в желудочек.

В этот момент ребенок в нише открыл глаза. Они не светились обсидианом, как у безумцев наверху. Они были золотыми, с вертикальными зрачками, как у рептилии. Он улыбнулся мне беззубым ртом и приложил палец к губам.

Ланцет опустился. Разрез прошел идеально. Зеленое сердце судорожно дернулось, и тугая струя изумрудной крови ударила прямо в центр кожного манускрипта.

Как только первая капля коснулась движущихся букв, звуки в гроте исчезли. Поглощенные абсолютной акустической пустотой. Пламя моего фонаря погасло, хотя масло в нем еще оставалось. Мы погрузились в темноту, освещаемую лишь самим текстом. Рубиновые буквы вспыхнули, впитывая зеленый свет жертвы, и начали сочиться физически ощутимой болью. Воздух наполнился запахом жженой плоти и озона.

Голос Торна зазвучал сам по себе, заполняя собой череп каждого из нас. Он читал на языке, который вибрировал на частоте ломающихся костей:

«Из праха земного, из ила первозданного, отверзаю уста твои, дабы поглотить алое...»

Нефритовый монолит под кожей начал нагреваться. Сначала он был ледяным, теперь же от него шла волна обжигающего жара. Зеленые прожилки на моих руках, которые за последний час оплели уже половину предплечья, ответили на этот жар острой, невыносимой пульсацией. Казалось, мои собственные вены сейчас лопнут.

«Да станет плоть сосудом для влаги вечной, да обратится гемоглобин в сок древесный...»

Створка обсидиановой раковины за спиной Торна захлопнулась с грохотом, от которого содрогнулись своды. Жидкость внутри закипела, выпуская пузыри газа, которые, поднимаясь, принимали форму искаженных человеческих лиц. Одно из них проплыло мимо моего уха, беззвучно крича.

Внезапно Торн замолк. Текст на коже перед ним замер. Священник издал странный булькающий звук. Его кадык дернулся вверх, а затем пошел вниз, но не остановился. Он продолжал опускаться, растягивая кожу шеи, пока ключицы викария не оказались полностью обнажены. Его трахея вышла наружу, превратившись в длинный, гибкий стебель темно-зеленого цвета. Верхний конец этого стебля расцвел шестью тонкими лепестками, обнажив светящийся фиолетовым нутро-голосовой аппарат.

— *Неприемлемо*, — сказала растение голосом Торна, но губы самого священника оставались плотно сжатыми. — *Текст поврежден твоим страхом, Джеймс. Ты сомневаешься в математике спасения. Литургия требует баланса.*

Осознать смысл этих слов я не успел. Обсидиановый алтарь позади меня задрожал. По гладкой поверхности камня пошли трещины, похожие на кровеносные сосуды. Из них потекла не вода. Полилась густая, теплая красная кровь. Настоящая, человеческая артериальная кровь, пахнувшая железом и солью. Она заполняла раковину, уровень стремительно рос, подбираясь к краям.

Зеленые трубки в моем теле отреагировали мгновенно. Они ожили, напряглись и вонзились острыми кончиками мне под кожу на плечах, пронзая мышцы. Боль была адской, но она несла с собой странное облегчение. Ростки начали откачивать мою собственную, пока еще красную кровь, вытягивая ее из вен. Я посмотрел на свои руки: кожа становилась бледной, восковой, полупрозрачной. А те участки, где проходили зеленые жилы, наливались здоровым,

насыщенным изумрудным цветом. Процесс фотосинтеза начался. Мое тело само стремилось к исцелению через отравление.

— Дай ему остальное! — прошипел растительный Торн. — Чашу! Наполни чашу!

Алтарь-раковина был полон красной крови до краев. Нефритовый Спящий на своем постаменте тоже начал меняться. Его каменная кожа пошла трещинами, крошась, и из-под известкового нароста показалась живая плоть — бледная, влажная, покрытая слоем защитной слизи. Лепестки-пальцы в его груди дрогнули и медленно разомкнулись. Внутри грудной клетки оказался не цветок. Там находилось зеркало. Идеально плоское озеро застывшей ртути.

Я оттолкнул от себя саквояж. Тело Мэри Саттон вывалилось на пол. При падении оно развалилось на несколько частей, как перезревший фрукт. Каждая часть жила своей жизнью: нога продолжала рефлекторно сгибаться в колене, рука тянула пальцы к свету, а торс исторгал фонтаны изумрудной слизи.

Нужно было закончить ритуал. Кровь в раковине прибывала, грозя залить весь грот. Если она выйдет за пределы обсидиана, церковь наверху рухнет под весом этой плотностной аномалии. Я шагнул вперед, переступив через отделившуюся голову женщины. Каблуком сапога я случайно раздавил золотоглазого ребенка в нише. Раздался хруст, сухой и жалкий. Золотая жидкость вытекла из его виска и мгновенно впиталась в камень.

Это стало спусковым крючком.

Нефритовое зеркало в груди Спящего пошло рябью. Ртуть утратила металлический блеск и стала абсолютно прозрачной. В глубине зеркала я увидел не свое отражение. Я увидел Лондон. Увидел свою квартиру на Харли-стрит, свой кабинет, свою латунную кровать. Видение было перевернуто. И там, в моей постели, под моим одеялом, лежала Женщина с зелеными волосами. Она гладила мою подушку длинными пальцами, и каждый след, которого касалась ее кожа, начинал прорастать бархатным мхом.

Она подняла голову от подушки и посмотрела прямо на меня сквозь толщу зеркальной ртути. Ее рот открылся, и оттуда, преодолев сотни миль пространства за одно биение сердца, вылетел ком холодной болотной воды. Он ударил меня в лицо.

Я упал навзничь, захлебываясь. Вода была тяжелой, наполненной илом и микроскопическими челюстями. Пока я боролся, пытаясь вдохнуть, Торн завершил чтение.

«Амен. Да будет твердь подобна воде, а вода — тверди».

Свет вспыхнул. Но это не был свет фонаря. Это была вспышка полного анатомического распада.

Когда зрение вернулось ко мне, я все еще лежал на полу. Грот был сух. Ни капли крови в раковине. Ни следа тела Мэри Саттон. Только слабый запах озона.

Обсидиановый алтарь остыл. Нефритовый Спящий снова превратился в обычный мертвый камень, покрытый паутиной. Никаких зеркал. Никаких сердец. Лишь безупречная древняя резьба.

Торн стоял на коленях. Его шея была нормальной. Целой. Никакого растительного стебля. Он тяжело дышал, хватая ртом воздух. Его лицо было серым, а воротник сутаны промок насквозь от обычного липкого лондонского пота. Он плакал от облегчения.

— Получилось, — выдохнул он. — Мы закрыли дверь. Печать поставлена. Литургия приняла жертву. Кровь очистила...

Я попытался встать. Ноги не слушались. Я опустил взгляд. Мои сапоги стояли в лужице грязной воды. Обычной воды. Но мои брюки выше колен... они высохли. Высохли настолько, что хрустели, как папирус. А кожа под ними...

Я закатал штанину. От колена и выше моя нога больше не принадлежала человеку. Вся поверхность бедра представляла собой сложный рельефный ландшафт из панциря, напоминающего хитин насекомого, и плотной коры старого дуба. Прожилки больше не пульсировали. Они впали, высохли, став инкрустацией на дереве. Моя левая нога от колена превратилась в скульптурное изображение корня, уходящего в никуда. Чувствительность отсутствовала полностью. Я ткнул бедро ножом — лезвие со скрипом прошло по древесине, не оставив ни капли крови.

Я поднял глаза на Торна. Тот смотрел на мою ногу с нескрываемым ужасом и восторгом.

— Левая сторона, — прошептал он. — Вы дали слишком много красной крови, доктор. Баланс сместился. Плоть не успела заместиться соком. Она просто... умерла и окаменела, чтобы сохранить вам жизнь. Вы станете новым Хранителем врат. Тем, кого нельзя утянуть в топь, потому что вы сами стали камнем.

За нашими спинами, откуда-то из глубины коридора, ведущего наверх, послышался звон. Глубокий, тяжелый удар церковного колокола. Один раз. Второй. Третий.

Была среда, три часа ночи. Церковь Святого Иуда-на-Трясине не имела колокольной. Никогда не имела.

Глава 4

Математика всегда казалась мне последним оплотом разума. Когда плоть предает, когда глаза лгут, а память рассыпается под тяжестью увиденного, остается геометрия. Углы, векторы, закон всемирного тяготения Ньютона — они не меняются от того, превратилась ли ваша нога в кусок окаменевшего дуба или нет.

Именно на этот здравый смысл я и пытался опереться, пока мы с преподобным Торном поднимались из крипты. Мои шаги теперь имели странный ритм: левая нога, ставшая тяжелой и негнущейся, стучала по базальту глухо, как протез из вяза. Правая же ступала мягко, болезненно ощущая каждую щель между камнями. Асимметрия собственного тела вызывала у меня приступы тихой, профессиональной паники. Я чувствовал себя неудачным анатомическим препаратом, который забыли закрепить проволокой.

Колокол ударил в четвертый раз. Звук был густым, медовым, вибрирующим на частоте, которая заставляла зубы ныть. Он исходил не снаружи. Казалось, звук рождался прямо в костях моего черепа, резонируя с новой, древесной структурой моей левой половины. Каждый удар колокола отдавался толчком зеленой жидкости где-то под моими ребрами.

— Оно приветствует вас, доктор, — голос Торна за моей спиной звучал надтреснуто, но в нем больше не было страха безумца. Теперь это была интонация уставшего бухгалтера, закрывающего годовой баланс. — Вы приняли печать несимметрично. Левая сторона принадлежит Хозяину. Правая еще цепляется за ваше тщеславие. Это делает вас идеальным посредником. Вы будете ходить между мирами, опираясь одной ногой в могилу, а другой — в приемную на Харли-стрит.

Я проигнорировал его теологический бред. Мы выбрались в неф церкви. Здесь ничего не изменилось: тот же покосившийся шпиль через дыру в крыше, та же плесень на скамьях. Но воздух изменился кардинально. Если раньше он давил сыростью, то теперь стал сухим и статичным, пахнущим грозой и горячим песком пустыни.

Главный алтарь светился изнутри слабым пульсирующим светом. Тот самый обсидиановый камень-раковина стоял здесь, хотя я готов был поклясться, что вход в крипту находился в десяти ярдах левее. Пространство этого прихода текуче, оно подчиняется не законам Эвклида, а логике сна утопленника.

— Нам нужно провести замеры, — сказал я, открывая саквояж трясущимися пальцами. — Синхронизировать барометры. Зафиксировать падение влажности. Если плотность воздуха упала ниже критической отметки...

— Плотность воздуха Лондона упадет завтра к полудню, — перебил меня Торн. Он подошел к алтарю и провел ладонью по камню. Обсидиан отозвался низким гулом, похожим на мурлыканье гигантской кошки. — Печать внизу открыла шлюз. Топь начала испаряться вверх. То, что вы видели как туман, доктор, скоро станет дыханием города.

Он указал узловатым пальцем в сторону южной стены. Там, где должен был быть выход на погост, кирпичная кладка искажалась. Перспектива ломалась. Кирпичи складывались в невоз-

можные углы, образуя структуру, напоминающую гравюры Маурица Эшера, если бы тот рисовал свои лестницы в состоянии белой горячки. Проход вел сам в себя.

— Двери закрыты, — констатировал Торн буднично. — Литургия Исцеления сработала слишком хорошо. Чтобы спасти болото, мы заперли приход. Теперь это ковчег. А мы с вами — звери для размножения внутри него. Снимайте сюртук.

Сюртук. При мысли о том, что тяжелая шерстяная ткань коснется моей одеревеневшей левой руки, меня передернуло. Кожа там натянулась до блеска, поры исчезли, уступив место рисунку годовых колец, едва заметному под лунным светом из дыры в крыше.

— Я требую объяснений, — мой голос прозвучал жалко, сорвавшись на высокой ноте. — Какое размножение? Что значит «звери»?

Торн обернулся. Его лицо в профиль выглядело нормальным, но стоило ему повернуться анфас, как становилось заметно, что левый глаз сместился чуть выше правого, нарушив горизонтальную ось симметрии лица.

— Древний не терпит одиночества, Джеймс. Один страж — это ошибка. Баланс требует пары. Мужского и женского начала. Красного и Зеленого. Кровь вашей правой ноги должна оплодотворить сок вашей левой. Процесс займет три ночи. На четвертое утро вы либо станете единым Хранителем, способным выйти за эти стены, либо распуститесь почками. В любом случае, ваш лондонский адрес более недействителен.

В подтверждение его слов мое правое бедро пронзила острая, режущая боль, какая бывает при затяжке слишком тугого жгута. Я опустил взгляд. Шов на брюках лопнул. Из-под ткани пробивался тонкий зеленый росток. Он искал света, поворачиваясь к пролому в крыше, словно подсолнух. Боль была невыносимой, но вместе с ней пришло пугающее чувство эйфории — фантомное ощущение фотосинтеза, будто каждая клеточка моего тела наконец-то начала дышать правильно.

Мне нужен был холодный металл. Нужен был факт. Я рванул крышку саквояжа так, что латунные петли жалобно звякнули. Внутри царил беспорядок, недопустимый для врача. Склянки со спиртом перекатывались среди бинтов. Мой карманный спектроскоп... я схватил его. Латунная трубка, набор призм. Наука.

Я направил прибор на светящийся алтарь. Прильнул глазом к окуляру, пытаюсь разложить свечение на спектр. Солнечный свет дает непрерывную полосу радуги. Газовые лампы дают яркие линии натрия.

То, что я увидел в линзах, не имело отношения ни к физике Фарадея, ни к оптике Ньютона. Спектр состоял из одного-единственного цвета, который дробился на бесконечное количество оттенков гниения: от бледно-салатового новорожденного мха до глубокого, почти черного бутылочного тона старого болота. И посреди этих линий двигались точки. Миллиарды крошечных черных точек, которые перемещались между спектральными полосками, выстраиваясь в идеальные геометрические фигуры. Треугольники. Пятиугольники. Они перестраивались в реальном времени, считывая мои мозговые волны.

— Не смотрите туда долго, — посоветовал Торн. — Ваши линзы сейчас станут частью пола.

Я оторвался от прибора. Действительно, стекло окуляра помутнело, покрываясь изнутри влажной сеткой капилляров. Я бросил спектроскоп обратно в саквояж. Металл лязгнул обо что-то мягкое. Уилкинс. Я совсем забыл про камердинера.

Мой верный слуга лежал на дне саквояжа, сложенный втрое, чтобы поместиться внутрь. Его лицо было спокойным, аристократически-бледным. Глаза закрыты. Но шеи не было. Голова росла прямо из плеч, а кожа на груди расходилась застежкой-молнией, обнажая аккуратно уложенные внутренности, которые переливались перламутром и слабо пульсировали, выполняя роль мехов для скрытого внутри органного механизма. Уилкинс прибыл сюда задолго до нас. Возможно, годы назад. Лорд У., рекомендовавший меня викарию, никогда не существовал в Лондоне. Он был лишь аватаром этой топи.

— Он хороший секретарь, — произнес Торн, проследив мой остекленевший взгляд. — Аккуратно ведет записи. Ваша следующая запись будет посвящена архитектуре.

Стены церкви содрогнулись. Пыль посыпалась сверху. Колонна справа от меня издала влажный вздох и осела на несколько дюймов, превратившись из красного кирпича в пористый губчатый известняк. Церковь сжималась, адаптируясь под новые законы физики. Потолок начал опускаться. Медленно, дюйм за дюймом, массивные дубовые балки сгибались, превращаясь в арочные своды ребер огромного животного.

Нам нужно было бежать. Куда? Выхода не существовало. Стена с «невозможной геометрией» манила своим алогичным порядком. Логика подсказывала, что шаг туда означает мгновенное разрушение телесной оболочки. Но моя новая левая нога думала иначе. Она сделала шаг вперед сама, без приказа мозга. Тяжелый корень царапнул по полу, высекая зеленую искру.

— Архитектура спасения строится на изъёме, — наставительно сказал Торн, следуя за мной. — Римляне строили прямые дороги, и их империя утонула в бетоне. Мы пойдем путем фрактала.

Мы подошли вплотную к стене. От нее веяло жаром, как от работающей доменной печи. Рисунок кладки гипнотизировал. Если смотреть на один кирпич, он казался идеально прямоугольным. Но стоило перевести взгляд на соседний, как первый тут же принимал форму трапеции, искажая все окружающее пространство. Это была классическая иллюзия, доведенная до абсолюта физической реальности.

— Закройте правый глаз, — скомандовал Торн.

Я послушался. Мир накренился. С закрытым здоровым правым глазом перспектива выровнялась. Левый, уже затронутый трансформацией, видел истинную суть вещей. Перед нами не было стены. Перед нами был глубокий вертикальный колодец, уходящий вниз, в центр земли. Кирпичи были лишь декоративной решеткой вокруг пустоты.

— Прыгайте, — сказал священник. — Нужно просто довериться вектору падения. Пол — это условность, созданная для тех, кто боится стать грязью.

Я обернулся на свой саквояж. На мою прошлую жизнь. На правую ногу, которая все еще отчаянно хотела носить кожаные туфли, а не вращаться в торф. Позади нас неф церкви окончательно превратился в грот. Алтарь раскрылся, выпуская облако изумрудного пара, которое

приняло форму той самой Женщины. Она не шла. Она текла по воздуху, огибая колонны, и ее волосы-водоросли тянулись ко мне тысячей жадных пальцев.

Выбор перестал существовать. Осталась только физика. Центр тяжести моего тела сместился из-за веса окаменевшей левой ноги. Я падал вправо даже стоя на месте.

Я закрыл правый глаз. Сделал вдох, наполнив легкие воздухом, пахнущим озоном и обещанием вечности. И шагнул в стену.

Ощущения падения не было. Было ощущение плотной, теплой среды. Вода? Нет. Жидкость была слишком густой. Я погружался в желе, состоящее из концентрированной памяти болота. Здесь хранились последние мгновения всех, кого поглотила топь за десять тысяч лет. Их воспоминания скользили мимо меня: бронзовые мечи римских легионеров, кости мамонтов, визжащие свиньи чумных деревень, монетки с глаз утопленников. Все это кружилось в медленном хороводе.

Моя одежда растворилась мгновенно. Шерсть и лен оказались недостойны этого места. Но кожа... Моя человеческая кожа сопротивлялась. Она трещала по швам, не желая пропускать внутрь субстанцию. Особенно сильно натянулся покров на спине.

Боль была очищающей. С каждым футом погружения зеленые трубки во мне расправлялись, впиваясь в окружающую массу. Я пил эту среду. Я фильтровал ее сквозь свою новую печень. Черные точки из спектра начали выходить из моих пор, встраиваясь в общую геометрию падения. Мы становились единым целым. Огромным, спящим разумом, принимающим форму планеты.

Где-то далеко, в истончающемся слое человеческого восприятия, я услышал крик Торна: — Запомните угол! Сорок семь градусов к югу! Иначе выйдете под фундаментом Банка Англии!

Его голос оборвался бульканьем. Нас разделило потоком. Меня несло глубже, в слои палеозоя. Давление нарастало, но моему новому телу оно приносило лишь облегчение. Окаменевшая нога наконец-то нашла свое место — она стала опорным столбом этого нисхождения.

Свет фонаря давно погас, но зрение оставалось ясным. Я видел тепловую карту мироздания. Впереди, в абсолютной темноте, разгоралась точка. Холодное зеленое пламя. Магнитный полюс нашего падения.

Я вытянул руку вперед. Пальцы удлинились, пробивая густую взвесь. До огня оставались считанные дюймы. Я знал, что прикосновение к нему сожжет остатки доктора Джеймса Моргана дотла. Но я также знал, что если я отдерну руку, останусь вечно висеть в этой серой слизи промежуточным звеном, неразложившимся трупом эволюции.

Я коснулся пламени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.